

Современная эпидемія школьныхъ самоубійствъ въ Россіи.

Проф. Н. М. ПОПОВА.

(Посвящается М. Н. Поповой).

I.

Самоубійство—явленіе глубоко ненормальное. Вотъ почему каждый случай его невольно останавливаетъ на себѣ общее вниманіе даже въ наше время, когда жизнь человѣка такъ низко упала въ цѣнѣ. Но если только что сказанное справедливо по отношенію къ самоубійству вообще, тѣмъ болѣе оно имѣетъ значеніе, когда дѣло идетъ о дѣтяхъ. Дѣйствительно, мы еще можемъ понять, какъ взрослый человѣкъ, поставленный въ тяжелыя жизненныя условія, теряетъ всякую вѣру въ лучшее будущее и, не видя иного исхода, прибѣгаетъ къ самоубійству. Но вѣдь дѣти, казалось бы, находятся совсѣмъ въ другомъ положеніи: еще свободныя отъ всей тяжести борьбы за существованіе, по самой природѣ подвижныя, живыя, а потому мало способныя останавливать долго свое вниманіе на какомъ-либо безотрадномъ явленіи, они не должны были бы стремиться къ добровольной смерти, если только въ ихъ психо-нервной организаціи не произошло глубокихъ измѣненій, если ихъ не поразило душевное страданіе. Но дѣтскіе психозы наблюдаются сравнительно рѣдко, а между тѣмъ статистика категорически свидѣтельствуетъ, что число самоубійствъ среди дѣтей во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ возрастаетъ съ поразительной быстротой, не-

меньшей чѣмъ та, съ какой случаи добровольнаго лишенія жизни учащаются среди взрослого населенія.

Въ Германіи за періодъ времени съ 1874 по 1878 годъ число самоубійствъ въ раннемъ возрастѣ (до 21-го года) увеличилось со 193 до 295 ¹⁾. По *Manheim*’у до пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія случаи дѣтскаго самоубійства во Франціи являлись рѣдкимъ исключеніемъ; съ указаннаго времени они значительно участились: въ 1881 г. насчитывался уже 61 случай, а въ 1895—90 ²⁾. За эти же годы во Франціи стали чаще наблюдаться и самоубійства среди юношей: въ 1881-мъ году 303 случая, въ 1895-мъ—450 ³⁾.

Ireland и *Schuttleworth* ⁴⁾ также указываютъ для Англіи увеличеніе числа самоубійствъ вообще и въ дѣтскомъ возрастѣ въ частности. Вотъ приводимыя ими цифры: въ десятилѣтіе съ 1861 г.—70 г. на одинъ миллионъ жителей приходилось 133 случая самоубійства, въ томъ числѣ 64 у дѣтей моложе 15 лѣтъ. Для десятилѣтія 1881 г.—90 г. эти цифры измѣнились: на одинъ миллионъ жителей приходилось уже 155 случаевъ самоубійства, изъ нихъ 96—у дѣтей до 15 лѣтъ.

Въ Пруссіи въ пятилѣтіе съ 1869 г. по 1873 г. приходился одинъ случай самоубійства у дѣтей моложе 15 лѣтъ на 666022 жителя, въ пятилѣтіе съ 1894 г. по 1898 г.—одинъ случай уже на 497815. Такое увеличеніе станетъ еще болѣе нагляднымъ, если мы возьмемъ отношеніе числа самоубійцъ къ числу всѣхъ дѣтей того же возраста (моложе 15 лѣтъ); мы получимъ тогда, что въ 1871-мъ году на 100000 дѣтей насчитывалось 1,2 самоубійства, въ 1898—2.

Въ странахъ, гдѣ всеобщее обученіе является обязательнымъ, гдѣ ребенокъ, достигшій извѣстнаго возраста, неиз-

¹⁾ V. Oettinger. Die Moralstatistic und ihre Bedeutung für die Sociologie. Erlangen. 1882.

²⁾ Les troubles mentaux de l'enfance. Paris. 1899.

³⁾ Périer, Le suicide chez l'enfant. Annales de médecine et de chirurgie infantile. 1899.

⁴⁾ Цит. по A. Baer’y. Der Selbstmord im kindlichen Lebensalter. 1901

бѣжно становится школьникомъ, тамъ приведенныя выше цифры главнымъ образомъ относятся къ дѣтямъ, получающимъ образованіе. Иное мы имѣемъ въ Россіи. У насъ только часть дѣтей поступаетъ въ учебныя заведенія, почему и статистическія данныя о самоубійствѣ въ школѣ и въ дѣтскомъ возрастѣ вообще, конечно, могутъ не совпадать. Проф. Хлопинъ⁵⁾, занявшись вопросомъ о самоубійствѣ среди учащихся и пользуясь офіціальными свѣдѣніями, пришелъ къ выводу, что и въ Россіи на подобіе западныхъ странъ школьныя самоубійства имѣютъ грозную тенденцію къ прогрессивному учащенію; въ низшихъ школахъ, правда, они представляютъ исключительно рѣдкое явленіе, но въ средней мужской школѣ встрѣчаются относительно часто и здѣсь именно стремленіе къ быстрому прогрессу выступаетъ особенно рельефно: самоубійства за трехлѣтіе съ 1883 по 1885 г. относятся къ самоубійствамъ за трехлѣтіе съ 1901 по 1903—какъ 3:5. Среднія женскія школы даютъ сравнительно меньшій процентъ самоубійцъ, но въ высшихъ школахъ этотъ процентъ для обоихъ половъ опять рѣзко повышается.

Цифровыя данныя, какими располагалъ проф. Хлопинъ, заканчиваются 1892 годомъ. Въ моемъ распоряженіи нѣтъ точныхъ статистическихъ свѣдѣній за позднѣйшее время. Врядъ ли однако можно сомнѣваться въ томъ, что именно за это время самоубійства среди учащихся участились въ особенно грозныхъ размѣрахъ. Страницы текущей печати за послѣдніе три года буквально пестрѣютъ описаніями подобныхъ случаевъ, при чемъ сразу бросается въ глаза, что по времени они распределяются крайне неравномѣрно: то въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы не встрѣчаемъ ни одного, то они появляются цѣлыми серіями, производя впечатлѣніе какой-то своеобразной эпидеміи. Эта страшная эпидемія настолько затрагиваетъ самые основные интересы общества, такъ грозитъ

⁵⁾ Самоубійства, покушенія на самоубійство и несчастные случаи среди учащихся русскихъ учебныхъ заведеній, 1906.

всему его будущему, что у каждого даже маловдумчиваго наблюдателя невольно рождается вопросъ, какія же причины ее вызываютъ, почему у дѣтей нынѣ такъ часто гаснетъ инстинктъ самосохраненія?

II.

Благодаря любезности профессора *А. И. Щербакова*, которому приношу здѣсь глубокую благодарность, въ мое распоряженіе были доставлены всѣ свѣдѣнія, собранныя о случаяхъ самоубійства и покушенія на него среди учащихся низшихъ и среднихъ школъ въ одномъ изъ учебныхъ округовъ. Эти свѣдѣнія захватываютъ періодъ времени съ мая 1908 г. по октябрь 1910 г. Всего зарегистрировано 70 случаевъ, которые по годамъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ 1908-мъ г.—15, въ 1909—27, въ 1910-мъ—28. По поводу каждого случая самоубійства было произведено возможно подробное разслѣдованіе, собирались данныя отъ начальствующихъ лицъ, иногда удавалось получать свѣдѣнія отъ родныхъ, товарищей и знакомыхъ. На основаніи этого фактическаго матеріала я старался выяснитъ душевное состояніе самоубійцы, возсоздать ту драму, которая привела ихъ въ мысли наложить на себя руку. Но прежде чѣмъ перейти къ описанію отдѣльныхъ случаевъ я долженъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ матеріала, какимъ мнѣ пришлось пользоваться.

Чаще всего разслѣдованіе затрагивало по преимуществу внѣшнюю сторону событія, которое описывалось съ болѣе или меньшей подробностью; о предполагаемыхъ мотивахъ упоминалось въ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ. Замѣчательно, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда самоубійцей являлось лицо, пробывшее въ школѣ нѣсколько лѣтъ, нерѣдко съ ранняго дѣтства, когда, слѣдовательно, педагогическому

совѣту были хорошо извѣстны всѣ стадіи его развитія, характеристика учащаго давалась очень неясная, даже отсутствовала совершенно. Самыя свѣдѣнія иногда доставлялись безъ достаточной провѣрки, иногда, напротивъ, въ нихъ чувствовалась крайняя осторожность, какая то недоговоренность. Нерѣдки случаи, когда эти свѣдѣнія были до того неполны, что являлось рѣшительно невозможнымъ строить на нихъ сколько-нибудь опредѣленный выводъ.

Несмотря однако на всѣ недостатки моего матеріала, я постараюсь въ послѣдующемъ изложеніи дать возможно объективное описаніе каждаго случая въ отдѣльности, какъ бы кратко оно ни было, оцѣнить болѣе или менѣе твердо установленные факты и на основаніи ихъ анализа дать характеристику психической личности самоубійцы и указать мотивы, приведшіе его къ роковому рѣшенію.

І. А. М. 18 лѣтъ, ученикъ VI-го класса гимназіи, 3-го мая 1908-го г., покусаясь на самоубійство, нанесъ себѣ легкую рану изъ огнестрѣльнаго оружія.

Изъ доставленныхъ свѣдѣній видно, что М. происходитъ изъ очень бѣдной семьи; обладая слабыми способностями, онъ учился плохо, а между тѣмъ, по природѣ нервный и впечатлительный, отличался крайне болѣзненнымъ самолюбіемъ. Покушеніе, какъ заявили родные, было вызвано оставленіемъ въ классѣ на второй годъ и опасеніемъ, что въ виду тяжелыхъ матеріальныхъ условій дальнѣйшее образованіе для него окажется невозможнымъ.

Таковы вкратцѣ факты, установленные разслѣдованіемъ. Изъ нихъ особенное вниманіе обращаетъ на себя одинъ—юноша былъ по природѣ нервнъ и впечатлителенъ. Мы не знаемъ, откуда такая нервность, была ли она получена цѣликомъ по наслѣдству или развилась также благодаря тяжелымъ условіямъ личной жизни, или быть можетъ, что вѣрнѣе, тутъ имѣли вліяніе оба названные момента, но какова бы ни была по своему происхожденію эта нервность, она выражалась

между прочимъ крайней впечатлительностью. При слабыхъ способностяхъ М. ученіе ему давалось плохо; его болѣзненное самолюбіе постоянно получало уколы, которые, конечно, дѣлали его еще болѣе нервнымъ. Наконецъ, юноша былъ оставленъ на второй годъ; этотъ фактъ самъ по себѣ крайне непріятный для каждаго ученика, для М. былъ тѣмъ болѣе тяжелъ, что онъ сознавалъ матеріальную необезпеченность семьи, понималъ, какимъ бременемъ ложится на его родныхъ каждый годъ его ученія. Имѣлъ ли М. достаточно основаній бояться, что ему невозможно будетъ продолжать ученіе, или въ этой боязни сказалось уже болѣзненное свойство видѣть все въ черзчуръ мрачномъ свѣтѣ, трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ однако спокойный, уравновѣшенный человѣкъ нашелъ бы иной выходъ изъ создававшегося затруднительнаго положенія, но для М., въ силу указанныхъ выше причинъ, это было невозможно, и вскорѣ послѣ того, какъ онъ узналъ о печальномъ фактѣ, онъ сдѣлалъ попытку лишить себя жизни.

II. Л. У. 16 лѣтъ, ученикъ III-го класса городского училища, 5-го мая 1908-го г. выпилъ съ цѣлью самоубійства растворъ карболовой кислоты и вскорѣ скончался.

У. въ теченіе года учился плохо, но весной началъ было усиленно готовиться къ экзаменамъ, какъ вдругъ неожиданно для себя узналъ, что вмѣстѣ съ другими неуспѣвающими учениками не будетъ къ нимъ допущенъ. Это извѣстіе такъ поразило его, что онъ, никого не предупредивъ, покончилъ съ собой и только въ оставленной товарищу запискѣ далъ ему порученіе отомстить двумъ учителямъ.

Разслѣдованіемъ была подробно установлена лишь внѣшняя сторона событія. Мы не имѣемъ никакихъ указаній на характеръ У., ни причины его малой успѣшности, ни положеніе его въ семьѣ, а потому и не можемъ сказать, отчего такъ тяжело реагировалъ У. на постигшую его неудачу. Для

правильнаго пониманія самаго событія необходимо имѣть въ виду, что до того времени къ экзаменамъ допускали всѣхъ учениковъ безъ исключенія, и естественно, что У. еще имѣлъ надежду, усердно работая, сдать ихъ болѣе или менѣе успѣшно. Не предупредивъ заранѣе, педагогическій совѣтъ училища принялъ указанную выше мѣру и тѣмъ повидимому далъ непосредственный толчекъ къ катастрофѣ.

III. П. О. ученикъ V-го класса механо-техническаго училища, 25-го мая 1908-го г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Изъ доставленныхъ свѣдѣній видно, что мать покойнаго страдала какими-то сердечными припадками нервнаго происхожденія; одна сестра три года тому назадъ, будучи 16 лѣтъ отъ роду, покушалась на самоубійство, другая—больна хореей. О здоровіи, характерѣ и способностяхъ самого юноши мы ничего не знаемъ; извѣстно только, что во II-мъ и IV-мъ классахъ онъ оставался по 2 года. 5-го мая постановленіемъ педагогическаго совѣта за малоуспѣшность онъ былъ также оставленъ на 2-ой годъ и въ пятомъ классѣ.

Въ виду крайней недостаточности собранныхъ свѣдѣній трудно высказаться съ должной опредѣленностью о причинахъ самоубійства. Тотъ фактъ однако, что старшая сестра дѣлала попытку лишить себя жизни, а другая сестра и мать—нервно-больны, этотъ фактъ указываетъ на слабость психо-нервной организаціи, присущую вообще всѣмъ членамъ семьи. Обладая болѣзненной впечатлительностью, юноша, конечно, могъ тяжело реагировать на школьную неудачу, тѣмъ болѣе, что ему было вѣроятно уже 16—17 лѣтъ, т. е. онъ, съ одной стороны, переживалъ періодъ *pubertatis*, когда неустойчивость психическаго равновѣсія выступаетъ особенно рѣзко, а съ другой—былъ уже въ состояніи серьезно отнестись ко всѣмъ неприятымъ послѣдствіямъ постигшаго его несчастья.

IV. П. С. 19 лѣтъ, ученикъ VI-го класса реального училища, 27-го іюня 1908-го г. покончилъ жизнь самоубійствомъ, застрѣлившись изъ револьвера.

Изъ собранныхъ свѣдѣній видно, что С. жилъ въ очень тяжелой семейной обстановкѣ: его мать вела разгульную жизнь, пьянствовала, ушла изъ дома, пьяная она на улицѣ часто оскорбляла встрѣчавшихся ей мужа и сына, била въ ихъ квартирѣ окна и подобными скандалами собирала цѣлыя толпы народа. Юноша отличался нервностью, страдалъ головными болями, часто пропускалъ уроки, въ VI-мъ классѣ по малоуспѣшности былъ оставленъ на второй годъ. Въ своемъ предсмертномъ письмѣ онъ говоритъ, что въ его смерти виновна одна мать:

«Она меня позорила всю мою жизнь и, наконецъ, не даетъ мнѣ окончить намѣченнаго пути. Впереди позоры!»

Изъ выше изложеннаго ясно, что главной причиной катастрофы явились неблагоприятныя условія семейной жизни, тяжело отзывавшіяся на нервномъ юношѣ, который стыдился своей матери и по болѣзненной впечатлительности нашелъ только одно средство уйти отъ позора—покончить съ собой.

V. П. З. ученикъ V-го класса гимназіи, въ ночь на 26-ое августа 1908-го г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Никакихъ свѣдѣній о семьѣ З. мы не имѣемъ. Начальство гимназіи аттестуетъ его, какъ субъекта очень вспыльчиваго, крайне самолюбиваго, но обладающаго посредственными способностями. Въ первыхъ двухъ классахъ благодаря усиленному прилежанію покойный учился хорошо, затѣмъ сталъ замѣтно отставать отъ товарищей. Съ четвертаго класса З. началъ злоупотреблять спиртными напитками, такъ что неоднократно подвергался взыканіямъ за неприличное поведение въ общественномъ мѣстѣ. Родители, къ содѣйствію которыхъ обращался директоръ гимназіи, не могли или не умѣли удерживать сына. При переходѣ въ VI-ой классъ З. была

назначена переэкзаменовка, которую онъ не выдержалъ и вскорѣ затѣмъ застрѣлился.

З. сталъ отставать въ ученіи, пить и вести себя неприлично, повидимому, съ наступленіемъ возраста *pubertatis*, тогда какъ ранѣе учился хорошо, отличался примѣрнымъ поведеніемъ и ничѣмъ не выдѣлялся среди остальныхъ товарищей. Подобныя крутыя перемѣны, совпадающія съ указаннымъ періодомъ жизни, обыкновенно наблюдаются у субъектовъ невротическихъ отъ рожденія. Вспыльчивость характера также является указаніемъ на психическую дегенерацію. Непосредственнымъ поводомъ къ самоубійству могла явиться неудача на экзаменѣ, какъ и всякая другая жизненная невзгода, которую дегенеративныя лица переносятъ всегда крайне тяжело.

VI. А. III. ученица VI-го класса гимназій, 4-го сент. 1908-го г. пыталась отравиться карболовой кислотой; по оказаніи медицинской помощи оправилась.

Причиной покушенія явилась недавняя смерть матери и отсутствіе средствъ къ жизни. Никакихъ данныхъ для характеристики дѣвушки мы не имѣемъ.

VII. С. Д. 17 лѣтъ, ученикъ VIII-го класса гимназій, 7-го окт. 1908-го г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Д. трехлѣтнимъ ребенкомъ остался безъ отца; его воспитывала нѣжно любящая и безгранично баловавшая мать. Въ гимназій до 1905—6-го года онъ учился хорошо, обнаруживая недюжинныя способности, отличаясь безукоризненнымъ поведеніемъ; съ этого же времени сталъ небрежно относиться къ урокамъ и вести, по выраженію директора, неодобрительный образъ жизни. Начальство гимназій нѣсколько разъ обращалось къ матери по поводу происшедшей перемѣны, но та, какъ могла, покрывала сына. Въ послѣдній годъ юноша относился особенно странно къ своимъ занятіямъ, напр., безъ ви-

димой причины опаздывалъ даже на экзамены и держалъ ихъ только на другой день, впрочемъ, весьма успѣшно. Въ день самоубійства онъ былъ веселѣе обычнаго, отвѣчалъ урокъ, за часъ до катастрофы спрашивалъ товарищей, стоитъ ли жить и въ чемъ смыслъ жизни. Никакихъ непосредственныхъ непріятностей у Д. не было, неизвѣстно ничего о нихъ и въ домашней жизни. Врачъ гимназіи заявилъ, что Д. въ послѣдній годъ неоднократно впадалъ въ угнетенное состояніе, причемъ переставалъ интересоваться какъ занятіями, такъ и вообще всѣмъ окружающимъ.

Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ повидимому о невропатическомъ субъектѣ, который вдобавокъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни находился въ условіяхъ крайне неблагоприятныхъ для правильнаго развитія: безграничное баловство матери не только препятствовало выработкѣ твердаго характера въ нѣжномъ возрастѣ, но и позднѣе во многомъ парализовало вліяніе школьной дисциплины. Бурное общественное движеніе, охватившее и среднюю школу, застало Д. въ періодѣ *rubertatis*, т. е. какъ разъ тогда, когда психическій организмъ представляется особенно хрупкимъ. Отсюда рѣзкое измѣненіе въ успѣхахъ и поведеніи, странное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, колебанія въ настроеніи, быть можетъ недостаточно мотивированныя. Попытки къ самоубійству на этой почвѣ легко возможны и безъ ясно выраженаго психоза; онѣ иногда наблюдаются у подобныхъ субъектовъ подъ вліяніемъ мимолетнаго настроенія и не всегда нуждаются во внѣшнемъ поводѣ.

VIII. В. Х. ученикъ V-го класса гимназіи, 13-го окт. 1908-г. г. во время урока покушался на самоубійство, пытаясь выстрѣлить въ себя изъ револьвера, но былъ во время остановленъ.

Дѣла семьи, изъ которой происходитъ Х., прежде зажиточной, въ послѣднее время сильно пошатнулись; юноша жилъ на средства старшаго брата, гимназиста VII-го класса,

дававшего уроки и очень тяготился своей матеріальной зависимостью, тѣмъ болѣе что братъ иногда дѣлалъ ему рѣзкіе выговоры за плохія отмѣтки. Директоръ гимназіи аттестуетъ Х. какъ человѣка безхарактернаго, склоннаго къ лѣни и мало развитаго, въ послѣдніе годы подпавшаго вліянію дурныхъ товарищей, что не замедлило явно отразиться на его поведеніи и успѣхахъ.

Передъ самой попыткой Х., рѣшая въ классѣ письменную задачу, внезапно заявилъ, что голова его не работаетъ и выбѣжалъ изъ класса. За нимъ послѣдовалъ одинъ изъ товарищей, замѣтившій возбужденное состояніе своего пріятеля и боявшійся оставить его одного. На другой день Х. снова явился въ гимназію также очень возбужденный, размахивая большимъ ножомъ, который едва удалось отнять. Необходимо добавить, что въ этой же гимназіи за 6 дней до покушенія Х. произошло самоубійство Д., описанное выше.

Здѣсь имѣется дѣло съ безусловно болѣзненнымъ состояніемъ. Мы не знаемъ почвы, на какой оно развилось, но семейныя условія и тяжелое матеріальное положеніе должны были оказывать глубокое вліяніе на безхарактернаго впечатлительнаго юношу. Непосредственнымъ толчкомъ, нарушившимъ психическое равновѣсіе, явилась повидимому ссора съ братомъ, котораго Х. при объясненіи съ директоромъ просилъ даже не пускать въ себѣ на глаза. Недавнее самоубійство товарища также должно было оказать свое вліяніе: Х. пережилъ сильное душевное волненіе, съ одной стороны, имѣлъ наглядный примѣръ, какимъ способомъ можно выйти изъ самаго запутаннаго положенія—съ другой.

IX. О. Я. ученица VII-го класса гимназіи, 23-го окт. 1908-го г. съ цѣлью самоубійства выпила нашатырнаго спирта, но оправилась.

Изъ свѣдѣній, доставленныхъ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта, видно, что Я. происходитъ изъ очень бѣдной семьи, отличалась прилежаніемъ, но оказывала плохіе успѣхи; свои неудовлетворительныя отмѣтки въ послѣднее время она

скрывала отъ родныхъ, видимо избѣгая упрековъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она опасалась, что малоуспѣшность явится причиной неосвобожденія ея отъ платы, что въ свою очередь грозило удаленіемъ изъ гимназіи. По заявленію гимназическаго врача Я. страдала малокровіемъ и обладала раздражительной нервной системой. Въ оставленной запискѣ она говоритъ:

«Милые мои друзья, доброжелатели, не удивляйтесь моему самоубійству. Жизнь для меня была невыносима!.. Последняя моя просьба: похороните меня отъ С. К. (квартирная хозяйка у которой Я. жила). Цѣлую, обнимаю всѣхъ крѣпко, крѣпко... Теперь я никому въ тягость не буду!»

Въ послѣднихъ словахъ письма заключается ясный намекъ на тяжелое положеніе дѣвушки въ семьѣ, гдѣ по поводу плохихъ успѣховъ ей приходилось выносить много неприятностей и попрековъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствовавшихъ на Я., что она отличалась повышенной впечатлительностью. Усидчиво работая, Я. тѣмъ не менѣе училась плохо, что по всей вѣроятности зависѣло отъ недостатка способностей. Умственное утомленіе, связанное съ душевными волненіями при неудачахъ, тяжелая нравственная атмосфера въ семьѣ, матеріальныя лишенія, еще болѣе чувствительныя вслѣдствіе дурного отношенія родныхъ—все это могло сломить и болѣе устойчивую психо-нервную организацію, чѣмъ та, какою обладала еще не вполне сложившаяся дѣвушка. Отсюда ея крайне повышенная впечатлительность, ея быть можетъ чрезмѣрная чуткость къ обидамъ и оскорбленіямъ, общее недовольство жизнью, которою она тяготилась. На этой почвѣ даже мелкая непріятность легко могла явиться послѣдней каплей, переполнившей чашу.

Х. П. Ш. 14 лѣтъ, ученикъ IV класса гимназіи, 23-го октября 1908-го г. съ цѣлью самоубійства выпилъ нашатырнаго спирта; поправился.

Ш. происходитъ изъ очень бѣдной семьи, мать—женщина нервная, строго обращалась съ дѣтьми; старшій братъ по малоуспѣшности долженъ былъ выйти изъ V-го класса

гимназіи. III. мальчикъ по природѣ тихій, скромный, учился очень прилежно, но, обладая плохими способностями, оказывалъ слабые успѣхи, почему часто подвергался взысканіямъ со стороны матери. Свою попытку къ самоубійству онъ объяснилъ тѣмъ, что ему были выставлены въ тетради дурныя отмѣтки, которыя онъ боялся показать дома.

Приведенныя свѣдѣнія несмотря на краткость обрисовываютъ намъ дѣло достаточно ярко: мало способному мальчику среднее образованіе было не по силамъ и онъ при всемъ своемъ стараніи получалъ дурныя баллы; мать, совершенно игнорируя причины неуспѣшности, требовала удовлетворительныхъ отмѣтокъ; поставленный въ безвыходное положеніе, робкій, запуганный III. прибѣгнулъ къ самоубійству.

XI. М. Н. 15 лѣтъ, ученикъ III-го класса гимназіи, 5-го ноября 1908-го г. сдѣлалъ попытку отравиться нашатырнымъ спиртомъ; поправился.

Семья М. крайне бѣдствуетъ въ матеріальномъ отношеніи; отецъ очень строго относится къ сыну, но почти никогда не бываетъ дома, такъ что мальчикъ, предоставленный самому себѣ, жилъ безъ надлежащаго надзора и приобрѣлъ всѣ дурныя привычки уличнаго подростка. Обладая способностями ниже среднихъ, недостаточно прилежный М. учился плохо; передъ самой попыткой онъ получилъ первую четверть съ неудовлетворительными отмѣтками и четверкой въ поведеніи. Разслѣдованіе показало, что еще за нѣсколько дней М. говорилъ товарищамъ, что отравится, если получитъ плохую четверть, справлялся у нихъ о противоядіяхъ. Преподаватели заявили, что послѣ дурныхъ отмѣтокъ съ нимъ иногда бывали какъ бы истерическіе припадки, которые производили впечатлѣніе притворныхъ.

Судя по приведеннымъ фактамъ можно думать, что М.—мальчикъ очень болѣзненный, съ неустойчивымъ психическимъ равновѣсіемъ: онъ плачетъ въ классѣ, не стѣсняясь окружающей обстановкой; у него случаются истерическіе припадки. У подобныхъ субъектовъ весьма легко можетъ возник-

нуть мысль о самоубійствѣ, а самое покушеніе, какъ это обычно у истеричныхъ, производится съ большей или меньшей демонстративностью, почему и напоминаетъ симуляцію.

XII. А. Т. 16 лѣтъ, ученикъ VII-го класса гимназіи, 17-го ноября 1908-го года отравился уксусной кислотой; на другой день скончался.

Т. росъ при очень неблагопріятныхъ условіяхъ: родители постоянно ссорились между собой и свое дурное настроеніе переносили на дѣтей. Старшій братъ, студентъ, за пять дней до самоубійства А. застрѣлился изъ револьвера вслѣдствіе несчастной любви, по мнѣнію родителей, благодаря семейнымъ ссорамъ, по заявленію постороннихъ. А. отличался крайней впечатлительностью, находился всегда подъ сильнымъ вліяніемъ старшаго брата; обладая большими способностями, онъ учился хорошо. Катастрофа застигла его въ періодъ усиленнаго роста и интенсивнаго физическаго развитія.

Мы не знаемъ, почему такъ дурно сложилась семейная жизнь А., зависѣла ли она отъ болѣзненности родителей или случайныхъ условій, но одно безспорно—она должна была рѣзко отражаться на дѣтяхъ. Недаромъ директоръ гимназіи отмѣчаетъ А., какъ мальчика съ мрачнымъ, необщительнымъ характеромъ; недаромъ его чрезмѣрная впечатлительность кидалась въ глаза даже постороннимъ. Въ періодъ pubertatis всѣ болѣзненные черты характера выражаются съ особенной рѣзкостью и какъ разъ въ этомъ періодѣ у А. происходитъ несчастіе—старшій братъ, самый близкій ему человѣкъ, лишаетъ себя жизни. Потрясенный такимъ несчастіемъ, потерявъ единственную опору въ жизни, не видя ничего отраднаго кругомъ, юноша рѣшилъ послѣдовать примѣру брата.

XIII. І. Б. 15 лѣтъ, ученикъ городского училища, 1-го декабря 1908-го года съ цѣлью самоубійства отравился растворомъ ѣдкой соды; черезъ двѣ недѣли скончался.

Обстоятельства этого событія остались совершенно невыясненными. Мы не имѣемъ свѣдѣній ни о семьѣ покойнаго, ни о немъ самомъ. На всѣ разспросы, обращенные къ Б. онъ отвѣчалъ: „я такъ хотѣлъ“. Администрація училища категорически заявила, что въ школьной жизни у Б. не было никакихъ поводовъ къ самоубійству.

XIV. А. Д. 16 лѣтъ, ученикъ VIII-го класса гимназіи, 3-го декабря 1908-го г. сдѣлалъ попытку отравиться нашатырнымъ спиртомъ.

Д. происходитъ изъ психопатической семьи; отецъ, — человекъ слабохарактерный и нервный дурно вліялъ на сына. Послѣдній любилъ свою мать, но иногда, подражая отцу, отзывался о ней грубо, даже цинично. Раздоръ въ семьѣ вообще сильно тяготилъ мальчика и тяжело на немъ отзывался. По характеру своему онъ былъ человекъ впечатлительный, обладалъ извѣстными способностями, увлекался чтеніемъ современныхъ авторовъ и считалъ себя головой выше товарищей. Непосредственного повода къ покушенію открыть не удалось; быть можетъ его и не было; сознаніе одиночества среди товарищей, пессимистическое направленіе современной литературы, наконецъ, условія семейной жизни — все это легко могло вызвать подавленное настроеніе и мысль покончить съ собой. Подготовка къ самоубійству не лишена нѣкоторой аффектаціи, рисовки: Д. не скрывалъ задуманнаго отъ товарищей, передалъ имъ письмо съ просьбой оказать послѣднюю товарищескую услугу, откровенничалъ даже съ инспекторомъ. Видя, что за нимъ слѣдятъ, Д. тѣмъ не менѣе идетъ во время перемѣны въ ближайшую аптеку, покупаетъ нашатырнаго спирта и направляется къ бульвару, гдѣ послѣ нѣкоторой борьбы у него отнимаютъ ядъ. Мальчика отправили къ матери, которой удалось успокоить его и удержать при себѣ.

Трудно высказаться, была ли попытка вполне серьезна. Однако нельзя забывать, что истерическія свойства характера часто присущи невропатическимъ субъектамъ, особенно въ ранней молодости и дѣтствѣ.

XV. Б. С. ученикъ VIII-го класса гимназіи, 8-го декабря 1908-го г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Отецъ С., человѣкъ неуравновѣшенный, очень строго обращался съ сыномъ, который, избѣгая наказаній, иногда по цѣлымъ днямъ скрывался изъ дому; тѣмъ не менѣе юноша отличался веселымъ характеромъ, пользовался общей любовью товарищей и никакихъ непріятностей въ школѣ не имѣлъ. Передъ покушеніемъ Д., о которомъ только что сказано выше, С. долго слѣдилъ за нимъ, какъ одинъ изъ близкихъ друзей, уговаривалъ бросить мысль о самоубійствѣ, отнималъ у него ядъ. Но какъ въ это время, такъ и непосредственно послѣ, онъ относился къ поступку товарища строго критически, съ порицаніемъ, называя „глупымъ, мальчишескимъ“. Настроеніе С. сразу измѣнилось за нѣсколько часовъ до катастрофы: онъ сдѣлался мрачнымъ, на заботливые разспросы матери отвѣчалъ, что ему нездоровится. Несмотря на все стараніе окружающіе не могли его развлечь; задумчивымъ онъ оставался весь вечеръ, проводя его съ гостями, а когда послѣдніе разошлись, выстрѣлилъ себѣ въ голову. Отцу онъ оставилъ записку, въ которой проситъ уплатить его мелкіе долги, указываетъ, гдѣ родители могутъ получить его фотографическую карточку и заканчиваетъ ее словами: „какъ не хочется умирать, а жить нельзя“. Родители склонны объяснить катастрофу попыткой Д. къ отравленію. Врачъ гимназіи допускаетъ внезапное появленіе бредовой идеи и дурное вліяніе сочиненій Л. Андреева.

Со всѣми этими объясненіями врядъ ли можно согласиться. Современная литература, конечно, оказываетъ неблагоприятное вліяніе на неуравновѣшенныхъ лицъ; пессимистическое настроеніе товарища также должно было сильно дѣйствовать на впечатлительнаго юношу. Но всѣ окружающіе единогласно указываютъ, что обычное жизнерадостное и веселое настроеніе не покидало самоубійцу до послѣдняго дня жизни. Трудно допустить со стороны еще мальчика такую выдержку, такое самообладаніе, которое позволило бы ему столь успѣшно скрывать свое настроеніе. Предположеніе врача

о внезапной бредовой идеѣ является совершенно непонятнымъ: бредовая идея можетъ возникнуть только у душевно-больного человѣка, а самъ же врачъ признаетъ С. вполне нормальнымъ. Нельзя думать также и о навязчивой идеѣ, покорившей волю юноши; навязчивыя идеи развиваются на почвѣ дегенерациі, которая должна проявиться еще и другими симптомами; сверхъ того при навязчивой идеѣ обычно происходитъ болѣе или менѣе продолжительная борьба, прежде чѣмъ эта идея приводится въ исполненіе. Всего вѣроятнѣе, что у С. былъ какой-то внѣшній поводъ покончить съ собой, а отношеніе отца даетъ право думать, что его слѣдуетъ искать въ условіяхъ домашней жизни. Предшествовавшая попытка товарища, конечно, усилила впечатлительность С. и вмѣстѣ съ тѣмъ могла облегчить появленіе мысли о самоубійствѣ, какъ удобнѣйшемъ способѣ выйти изъ тяжелаго положенія.

XVI. В. Х. 14 лѣтъ, ученица II-го класса гимназій, 19-го января 1909 года отравилась карболовой кислотой и, не приходя въ сознаніе, скончалась.

Х. отличалась замкнутымъ, самолюбивымъ характеромъ, училась хорошо. Въ поведеніи ея на первомъ урокѣ 19-го января не было замѣчено ничего ненормальнаго; ядъ она принесла съ собой изъ дому въ карманѣ пальто и выпила его во время первой перемѣны, отпросившись для того у классной надзирательницы въ гардеробную, чтобы взять перо, будто бы позабытое въ верхнемъ платьѣ. Въ классной скамьѣ между учебниками покойной была найдена записка, адресованная подругѣ, слѣдующаго содержанія:

«М! я скоро умру и должна попрощаться съ Вавочкой! Вы мнѣ не хотите сдѣлать этой пустой услуги послѣдней».

Причина самоубійства осталась невыясненной.

Этими подробностями исчерпывается все оффиціальное описаніе происшествія. Мы не находимъ въ немъ никакихъ указаній на семью покойной, не видимъ подробной характе-

ристики дѣвочки, которая между тѣмъ училась въ гимназіи съ приготовительнаго класса, слѣдовательно, росла и развивалась на глазахъ педагогическаго персонала; остаются также неизвѣстными отношенія ея къ подругамъ и роднымъ. И если бы не письма, найденныя въ карманѣ покойной и попавшія въ мѣстную прессу, то у насъ не было бы никакихъ данныхъ для выясненія душевнаго состоянія, приведшаго Х. въ самоубійству.

Вотъ эти письма:

«Прощайте всѣ мои ближніе! Смерть моя есть мое сознаніе. Я вѣрю, что я или совершенно умру, т. е. потеряю сознаніе, или же будетъ лучшая загробная жизнь. Эта жизнь мнѣ представляется въ такомъ лучезарномъ, радужномъ свѣтѣ, что я должна ей уступить. Если же смертью совершенно исчезнетъ сознаніе, то лучше, чтобы это было скорѣе. Я цѣлую всѣхъ моихъ близкихъ, но въ особенности мамочку, которая для меня дороже всего въ мірѣ, потомъ Е. И. К., которую послѣ мамы люблю больше всѣхъ. Наравнѣ съ нею я люблю Э. І. Б. Я цѣлую всѣхъ моихъ родныхъ и тѣхъ, кто мнѣ очень нравится и вообще всѣхъ близкихъ, а также всѣхъ животныхъ. Ближніе! Я люблю васъ всѣхъ безъ исключенія, какъ училъ дорогой сердцу моему Іисусъ Христосъ. Ближніе! Простите мнѣ всѣ мои обиды! Не считайте меня въ ссорѣ съ вами тѣ, кто былъ со мною въ ссорѣ при жизни. Будьте всегда дружны и добры другъ къ другу. Помните, что тамъ наверху есть Господь Іисусъ! Ближніе! Я приду къ вамъ, если это будетъ возможно, не пугайтесь меня, если я явлюсь послѣ смерти. Цѣлую всѣхъ васъ крѣпко, дорогіе мои ближніе и всѣ животныя, Е. Н., Э. І. и мамуся. В. Х.». «Никого не вините въ моей смерти, мнѣ надоѣла земная жизнь съ ея тревогами, двойками и пятерками, любовь и, наконецъ, все! Похороните меня въ формѣ и, если можно, то вовсе не хороните».

«Когда я умру—обязательно снимите меня. Не думайте, что я мало думала о жизни и смерти. Не жалѣйте обо мнѣ, такъ какъ я счастлива».

Какъ большинство писемъ, оставляемыхъ самоубійцами, эти письма представляютъ большую цѣнность. Прежде всего ясно, что въ данномъ случаѣ авторомъ ихъ является еще ребенокъ, съ чисто дѣтскимъ отношеніемъ къ самымъ серьезнымъ явленіямъ жизни: „похороните меня въ формѣ“... „Когда я умру—обязательно снимите меня“. Отвлеченное мышленіе для Х. еще мало привычно; она еще не можетъ ясно выра-

зять свою мысль и потому облакаетъ ее въ мало понятную форму: „смерть моя есть мое сознаніе“. Но въ тоже время изъ письма видно, что въ дѣтскомъ умѣ уже возникли вопросы чуждые возрасту, вопросы, рѣшить которые сколько-нибудь правильно не въ состояніи ребенокъ, лишенный достаточнаго жизненнаго опыта и не обладающій извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ. Особенно здѣсь кидается въ глаза религіозное сомнѣніе: дѣвочка колеблется, есть загробная жизнь или нѣтъ, и въ самомъ началѣ письма допускаетъ ту и другую возможность. Потомъ сомнѣнія ея какъ бы исчезаютъ и весь дальнѣйшій тонъ письма строго религіозный, но непослѣдовательность все же даетъ себя знать: дѣвочка говоритъ, что Іисусъ Христосъ дорогъ ея сердцу, завѣщаетъ всѣмъ помнить, что наверху есть Господь, но сама забываетъ, какъ относится къ самоубійству христіанское вѣроученіе. Въ концѣ письма она заявляетъ, что ей надоѣла земная жизнь съ ея тревогами, двойками и пятерками, любовь и, наконецъ, все. Если ученицѣ надоѣли двойки и пятерки, то это еще понятно, но какимъ образомъ ребенку, не знающему жизни, надоѣла жизнь? Что такое „все,“ что надоѣло Х? Какая эта любовь, которая надоѣла? Разумѣется, не любовь матери и родныхъ: вѣдь съ ними такъ нѣжно прощается покойная. Безъ сомнѣнія хоть какіе-нибудь отвѣты на эти вопросы могли бы дать родные и подруги несчастной.

XVII. А. П. 16 лѣтъ, ученица VII-го класса гимназіи, 12-го февраля 1909-го года, покушаясь на самоубійство, выпила карболовой кислоты; скончалась.

У П. отца нѣтъ; дѣвочка жила съ матерью въ крайней бѣдности, училась удовлетворительно, хотя и не отличалась прилежаніемъ. Непосредственнымъ поводомъ къ отравленію была ссора съ матерью, требовавшей, чтобы дочь училась прилежнѣе.

Вотъ и всѣ свѣдѣнія, какими мы располагаемъ относительно этого случая. Мы не знаемъ ничего оздоровьи дѣвочки, о характерѣ ея, о положеніи ея въ семьѣ, а потому лишены возможности выяснить дѣйствительныя причины катастрофы.

XVIII. И. Б. 16 лѣтъ, ученикъ I-го класса городского училища, 15-го февраля 1909-го г. покончилъ жизнь самоубійствомъ черезъ повѣшеніе.

Въ собранныхъ свѣдѣніяхъ имѣются только указанія на малоуспѣшность въ занятіяхъ; но были ли они поводомъ къ самоубійству или здѣсь играли роль иные мотивы—мы не знаемъ.

XIX. М. Б. 16 лѣтъ, ученикъ V-го класса гимназіи, 25-го февраля 1909-го г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Въ день самоубійства Б. былъ на концертѣ извѣстнаго скрипача, возвратился домой въ 12 ч. ночи очень разстроеннымъ и, написавъ родителямъ записку съ просьбой никого не винить въ его смерти, т. к. жизнь ему надобѣла, застрѣлился.

Никакихъ свѣдѣній ни о личности покойнаго, ни объ его семьѣ мы не имѣемъ, поэтому представляется невозможнымъ сдѣлать какое-либо предположеніе о мотивахъ самоубійства. Трудно однако отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о крайне неуравновѣшенномъ, психопатическомъ субъектѣ.

XX. К. М. 21-го г., ученикъ VIII-го класса гимназіи, 10-го марта 1909-го года выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Изъ собранныхъ по этому дѣлу свѣдѣній видно, что М., обладая средними способностями, не отличался трудолюбіемъ, такъ что въ IV и VI-мъ классахъ оставался по два года. Въ VIII-мъ классѣ онъ также оказывалъ неудовлетворительные

успѣхи, почему директоръ гимназіи вызвалъ отца и предложилъ ему взять сына съ тѣмъ, чтобы тотъ приступилъ къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости въ качествѣ экстерна. Отецъ предпочелъ однако, чтобы сынъ снова остался на второй годъ. Это желаніе было исполнено. Юноша повидимому очень спокойно встрѣтилъ извѣстіе о такомъ рѣшеніи и согласился уѣхать домой вмѣстѣ съ отцомъ, сказавъ послѣднему, что только зайдетъ на свою квартиру приготовиться къ отъѣзду. Уходя, онъ тайкомъ взялъ съ собой отцовскій револьверъ. Вечеромъ его видѣли гуляющимъ съ двумя товарищами, которые, встрѣтивъ знакомаго офицера, представили ему М. и просили разрѣшенія провести вечеръ въ его квартирѣ. М. также согласился принять участіе въ пирушкѣ, но предупредилъ, что явится не ранѣе 11 часовъ. Дѣйствительно въ назначенное время онъ пришелъ и сейчасъ же, вынувъ изъ кармана заряженный револьверъ, просилъ хозяина его спрятать. Весь вечеръ М. казался очень веселымъ, рассказывалъ анекдоты, говорилъ, что остался по малоуспѣшности на второй годъ и что отецъ его хочетъ увезти домой, но онъ туда не поѣдетъ, а отправится къ знакомымъ въ О., гдѣ и проведетъ лѣто. Хотя хозяинъ квартиры совершенно не зналъ М., но послѣдній произвелъ на него впечатлѣніе „страннаго и нервнаго“. Уже поздней ночью гости стали расходиться, хотѣлъ уйти и М. и просилъ дать ему обратно револьверъ. Однако офицеръ, видя нѣкоторую возбужденность М. и объясняя ее излишне выпитымъ виномъ, оружія не возвратилъ, а уговорилъ своего гостя остаться на ночлегъ. М., послѣ неоднократныхъ попытокъ получить револьверъ, согласился и въ 4 часа ночи легъ спать. Утромъ отецъ М., узнавъ, гдѣ его сынъ, явился къ офицеру и просилъ вызвать юношу, чтобы ѣхать вмѣстѣ на вокзалъ. М. поспѣшно одѣлся, взялъ револьверъ, объяснивъ, что долженъ возвратитъ его и, выйдя въ сосѣдную комнату, тутъ же почти на глазахъ отца застрѣлился. Въ карманѣ самоубійцы нашли письмо, адресованное отцу слѣдующаго содержанія: „Дорогіе родители, извините эту мою послѣднюю глупость, какую дѣлаю, но должно быть мнѣ было суждено всегда дѣлать глупости, почему и вончаю жизнь!“ Далѣе слѣдуетъ просьба уплатить долги всего на сумму 125 р., изъ нихъ 10 руб. извощику.

Съ вѣшной стороны катастрофа описана очень обстоятельно; тѣмъ не менѣ причины ея остаются неясными. Мы не имѣемъ никакого понятія о семьѣ покойнаго, объ отношеніяхъ отца къ сыну. Гимназія, гдѣ М. учился 10 лѣтъ, не сообщила даже его характеристики, какой образъ жизни онъ вѣлъ, почему оказался малоуспѣшнымъ. Долги покойнаго, довольно значительные для гимназиста, особенно десятирублевый долгъ извозчику, намекають на неправильный образъ жизни, который могъ имѣть неблагоприятное вліяніе на неокрѣпшую нервную систему, съ одной стороны, дурно отражаться на занятіяхъ съ другой.

XXI. Л. К. 15 лѣтъ, ученикъ VI-го класса городского училища, 6-го апрѣля 1909-го г. съ цѣлью самоубійства выпилъ нашатырнаго спирта; поправился.

Причины, вызвавшей покушеніе, установить не удалось. Мы не знаемъ ничего какъ о личности К., такъ и объ его семьѣ; условія школьной жизни также остались совершенно неизвѣстными. Такимъ образомъ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы сдѣлать какое-либо предположеніе по поводу этого случая.

XXII. Ю. Р. 16 лѣтъ, ученица VI-го класса гимназіи, 8-го апрѣля 1909-го года отравилась карболовой кислотой и, не приходя въ сознаніе, скончалась.

Въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ начальствомъ гимназіи, глухо указывается на семейныя обстоятельства, какъ на причину самоубійства. Въ комнатѣ покойной было найдено письмо, адресованное подругѣ, слѣдующаго содержанія:

«Дорогая моя, славная Роза! Только что пришла отъ тебя и когда прощалась съ тобой, то знала, что прощаюсь уже навсегда. Какъ мнѣ было тяжело, моя хорошая дѣвочка! Мнѣ такъ не хотѣлось уходить отъ тебя. Но надо было. Я безумно хотѣла видѣть Оиму, но не могла найти ее; такъ уже видно обойдется. Роза! Я надѣюсь, что умру, но если меня спасутъ, я не выдержу. Вотъ увидишь! Какое право они имѣють спасать меня отъ того, къ чему я стремлюсь. Вѣдь я никому вреда не приношу своей смертью, на-

оборотъ... легче станетъ. Я не боюсь смерти, ничуть не боюсь! И жизни мнѣ не жаль. Жаль только расстаться съ близкими и съ природой. Вѣдь теперь наступаетъ лѣто, которое я такъ безумно люблю. Я мечтала такъ хорошо его провести, гдѣ-нибудь съ тобой на дачѣ, на берегу, но не то, видно! Боже мой! Роза! Что будетъ съ моей мамой. Вѣдь моя смерть нанесетъ ей такой ударъ, вѣдь съ ней будетъ что то ужасное, Господи, если бы кто-нибудь ее могъ утѣшить! Какъ больно мнѣ за нее! Но ты не сможешь—у тебя самой горе! Какъ жизнь сурова! Милая, дорогая моя! Ты себѣ представить не можешь, какъ ты мнѣ близка, какъ я къ тебѣ сильно привязана. Спасибо тебѣ, голубчикъ, за все хорошее, что ты мнѣ дала и чего мнѣ безъ тебя не доставало! Спасибо, прости за обиды! Вѣдь я всегда расквашалась! Я знаю, что тебѣ будетъ тяжело, вѣдь я всегда вѣрила въ твою искренность, но что дѣлать! Я иначе не могу! Передай мой предсмертный привѣтъ нѣкоторымъ близкимъ знакомымъ и друзьямъ отъ моего имени. Перечислять ихъ лишнее. Прощай, дорогая, навсегда прощай. Твоя Ида. Боже! Я теперь живу, дышу, а завтра въ это время—гдѣ я буду! Роза! сожги эту бумажку и никому не показывай».

Изъ этого письма видно, какую тяжелую борьбу должна была пережить несчастная передъ своей смертью; ей не хотѣлось умирать, ей было тяжело расставаться съ близкими и родными, со всей природой; видимо нѣжно любящая дочь, она бояться за свою мать, зная, въ какомъ та будетъ горѣ и тѣмъ не менѣе иначе поступить она не могла. Что же заставляло ее непременно наложить на себя руку? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно было бы дать только при томъ условіи, если бы намъ была извѣстна психическая личность Р. если бы мы располагали достаточными свѣдѣніями объ ея общественной, семейной и школьной жизни.

XXIII. И. П. Ученикъ IV-го класса городского училища, 15-го апрѣля 1909-го г. сдѣлалъ попытку отравиться уксусной эссенціей; поправился.

П. сынъ сапожника, отличался крайне дурнымъ поведеніемъ: то на него поступала жалоба за избіеніе на улицѣ дѣвушки, то онъ попадался въ продажѣ учебныхъ книгъ въ мелочную лавочку; къ ученію относился небрежно, часто пропускалъ уроки, получалъ плохія отмѣтки; въ четвертомъ классѣ остался на второй годъ. 14-го апрѣля одинъ изъ учи-

телей пожаловался инспектору, что П. во время урока вбивалъ въ парту гвоздь. Подбѣжавшій П., прерывая учителя и возбужденно размахивая руками, старался представить дѣло въ иномъ видѣ. Инспекторъ, отстранивъ мальчика рукой, заявилъ ему, что не можетъ разговаривать съ лицомъ, которое не умѣетъ держать себя и приказалъ вызвать на другой день отца. (За П. накопилось уже много провинностей).

Послѣ слѣдующаго урока П. убѣжалъ на случившійся въ городѣ пожаръ и въ училище больше не показывался. На другой день его нашли отравившимся въ городскомъ саду. На дознаніи П. показалъ, что инспекторъ ударилъ его очень больно, а одинъ изъ учителей постоянно притѣснялъ; этими фактами онъ объяснялъ свое покушеніе. Разслѣдованіе однако не подтвердило словъ П.

Повидимому дѣло идетъ объ очень живомъ, но дурно воспитанномъ, испорченномъ мальчикѣ, который, боясь наказанія со стороны отца, прибѣгнулъ къ самоубійству.

XXIV. А. А. 16 лѣтъ, ученикъ V-го класса прогимназіи, въ ночь на 17-ое мая 1909 г. покончилъ жизнь самоубійствомъ, повѣсившись на веревкѣ.

Объ этомъ фактѣ собраны довольно подробныя свѣдѣнія, которыя рисуютъ дѣло въ слѣдующемъ видѣ: А. происходитъ изъ бѣдной семьи (отецъ—сельскій учитель, мать—сельская учительница). Отецъ сильно злоупотреблялъ алкоголемъ и умеръ отъ удара. Старшій братъ, юноша мало способный, горькій пьяница, разошелся съ матерью, которая, по ея собственнымъ словамъ, „его видѣть не могла“. А. поступилъ въ прогимназію въ первый классъ и сначала, благодаря основательной подготовкѣ, оказывалъ хорошіе успѣхи; обладая очень не блестящими способностями и не отличаясь трудолюбіемъ, въ слѣдующихъ классахъ онъ однако быстро опустился и въ третьемъ классѣ былъ оставленъ на повторительный курсъ. Въ V-мъ классѣ успѣхи въ первыхъ двухъ четвертяхъ въ общемъ были почти удовлетворительны, но въ третьей и четвертой стали рѣзко понижаться, почему постановленіемъ педагогическаго совѣта 11-го мая онъ былъ оставленъ на второй годъ. Къ сказанному необходимо добавить, что А. очень любилъ свою

мать несмотря на ея суровость и рѣзкость. Въ 1905—6 учебномъ году она была арестована за политическую пропаганду и потомъ выслана на срокъ болѣе года. Это событіе рѣзко отразилось на мальчикѣ; учиться онъ сталъ хуже и тогда то былъ оставленъ въ первый разъ на второй годъ. Начальство прогимназіи получило свѣдѣнія о суровомъ отношеніи матери къ сыну. Увидя незадолго до катастрофы четверть съ плохими отмѣтками, она сказала ему: „я работаю, тружусь, на тебя трачу деньги, а ты не хочешь работать“. Сынъ отвѣтилъ: „значитъ мнѣ остается только покончить съ собой“. На вопросъ одного изъ товарищей, знаетъ ли мать, что онъ оставленъ на второй годъ, А. сказалъ: „мама еще не знаетъ, да и не узнаетъ“. Передъ самоубійствомъ онъ написалъ матери два письма:

I. Дорогая мама, я пишу тебѣ послѣднее письмо, а чувствую какъ пожиламъ проѣбгаетъ молодая, здоровая сила и какъ будто возмущается моимъ рѣшеніемъ покончить съ собой. Мозгъ также работаетъ и какъ будто тамъ сидитъ другой человекъ и составляетъ планы будущей жизни одинъ другого прекраснѣе. Все таки тяжело умирать молодымъ, вѣдь я еще не жилъ. Но тамъ глубоко засѣла какая-то искра, которая кричитъ и умоляетъ меня, чтобы я покончилъ съ собой. Эта искра побѣждаетъ. Меня бы могла теперь спасти отъ самоубійства только война. Я бы пошелъ на войну и сложилъ бы свою голову, сражаясь за родину и народъ. Но ея нѣтъ и я долженъ покончить съ собой подлымъ образомъ. Меня могутъ назвать трусомъ, но имъ я никогда не былъ, а покончить съ собой, чувствуя достаточно силы для борьбы съ жизнью, и не знать что ждетъ тебя впереди, можетъ быть и счастье, и когда споръ вполне нормаленъ, нужно имѣть присутствіе духа. Я былъ лѣнивъ, вотъ причина плохихъ успѣховъ, но она явилась вслѣдствіе несправедливости нѣкоторыхъ учителей. Прощай, дорогая мама и Саша. Любящій сынъ и братъ А. Я не указываю именъ учителей и не описываю ихъ недостатковъ, потому что скажутъ, что это слова озлобленнаго школьника. Какъ не хочется умирать!

II. Прощай, дорогая мама! Не вини себя въ моей смерти. Прощай, Саша! Прощайте товарищи. Желаю вамъ выдержать экзамены. А.

Принимая во вниманіе всѣ изложенные выше факты, директоръ прогимназіи приходитъ къ выводу, что А. отягченъ наслѣдственностью и сверхъ того росъ при неблагоприятныхъ условіяхъ домашней жизни, которая усилила его нервность и сдѣлала характеръ угрюмымъ и замѣнутымъ; способности его были плохи, прилежанія не было, а потому при самомъ

снисходительномъ отношеніи педагогическаго персонала, искренне жалѣвшаго мальчика, ему приходилось ставить дурные баллы. Впрочемъ, не эти баллы и не оставленіе на второй годъ—основная причина самоубійства; главнымъ поводомъ къ нему, кромѣ врожденной нервности, явились грубое обращеніе матери, не обращавшей никакого вниманія на ученіе сына, и ея интимная связь съ молодымъ человѣкомъ, которая была всѣмъ извѣстна и не могла укрыться, конечно, отъ А. Если на рѣшеніе А. покончить съ собой и имѣла вліяніе школа, то лишь самое незначительное и отдаленное.

При болѣе тщательномъ анализѣ обстоятельствъ дѣла однако врядъ ли можно согласиться съ послѣднимъ выводомъ о вліяніи школы. Дѣйствительно, А. имѣлъ дурную наслѣдственность; дѣйствительно, неблагопріятныя условія домашней жизни должны были только усилить эту наслѣдственность и мальчикъ поступилъ въ школу, уже обладая неустойчивой психо-нервной организаціей. Но тотъ фактъ, что онъ получилъ дома основательную подготовку, благодаря которой учился успѣшно и въ первомъ классѣ, этотъ фактъ заставляетъ думать, что А. далеко не былъ лишенъ способностей. Директоръ обвиняетъ его далѣе въ лѣности, а его мать въ небрежномъ отношеніи къ сыну. Но собранныя свѣдѣнія рѣзко противорѣчатъ и такому заявленію. Мать не оставалась спокойной, получая дурныя отмѣтки, а дѣлала сыну выговоры, быть можетъ даже слишкомъ рѣзкіе; послѣднія деньги она тратила на репетиторовъ. Самъ мальчикъ, нѣжно любя свою мать, также принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы учиться успѣшнѣе: онъ отыскивалъ себѣ учителей, передъ экзаменомъ нарочно перемѣнилъ квартиру, чтобы жить одному и работать безъ помѣхи. Но все было напрасно; его оставили на второй годъ. Къ этой неудачѣ присоединились сознаніе несправедливости, жертвой которой, по его мнѣнію, онъ сдѣлался, и тяжелая перспектива непріятнаго объясненія съ матерью и болѣзненно-впечатлительная организація мальчика.

не вынесла. Такимъ образомъ оставленіе на второй годъ явилось непосредственнымъ поводомъ къ самоубійству.

XXV. О.—Б. Д., 19 лѣтъ, ученикъ VII-го класса гимназіи, 27-го мая 1909-го г. выстрѣломъ изъ револьвера въ ротъ лишилъ себя жизни.

Изъ произведеннаго разслѣдованія видно, что отецъ Б. семь лѣтъ тому назадъ кончилъ жизнь самоубійствомъ черезъ повѣшеніе; мать, женщина состоятельная, очень любила сына и относилась къ нему съ крайней заботливостью. Самъ Б. аттестуется гимназіей, какъ юноша скромный, воспитанный, добросовѣстно относившійся къ дѣлу; онъ переходилъ ежегодно изъ класса въ классъ, но въ седьмомъ въ первой четверти имѣлъ два по математикѣ. Въ ноябрѣ Б. заболѣлъ острымъ суставнымъ ревматизмомъ въ очень тяжелой формѣ и долженъ былъ прекратить посѣщеніе гимназіи. Мать увезла больного къ себѣ и ходатайствовала объ оставленіи его въ седьмомъ классѣ на второй годъ. Дома юноша былъ довольно веселъ, но производилъ на окружающихъ впечатлѣніе нервно-разстроеннаго. Непосредственнаго повода къ самоубійству не установлено. Послѣ смерти покойнаго былъ найденъ дневникъ, состоящій изъ 18 отрывочныхъ замѣтокъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1. На вопросъ, что вы считаете болѣе удобнымъ для самоубійства—веревку или ружье, я отвѣтилъ и то и другое одновременно. 16-го февраля 1909-го года.

2. На вопросъ, что удобнѣе: ружье или револьверъ, я скажу—пушка.

3. Если я когда нибудь рѣшу кончить жизнь самоубійствомъ, то исполню это всего вѣроятнѣе въ пьяномъ состояніи, чтобы не такъ сильно чувствовать боль.

5. Многіе празднуютъ день своего рожденія, но нѣтъ ни одного человѣка, который бы благословлялъ этотъ день, а почти всѣ люди хоть разъ въ жизни проклинали искренне день своего рожденія.

9. Державинъ. Глаголь времени, металла звонъ. Твой страшный гласъ людей пугаетъ, и дураковъ и умныхъ, а меня ничуть. Зоветъ людей, зоветъ твой стонъ, зоветъ и къ гробу приближаетъ и дураковъ и умныхъ, а меня ничуть. Мой часъ я самъ приближу.

11. Съ жизнью у меня нѣтъ никакихъ связывающихъ нитей, кромѣ любви къ природѣ. Въ ней мой интересъ. Жизнь хороша—смерть лучше.

12. Быть здоровымъ—значить не чувствовать своего здоровья, а быть больнымъ, значить чувствовать свое нездоровье и здоровье другихъ. Сожалѣніе или жалость ко мнѣ, которую я вижу на мерзкихъ лицахъ встрѣчныхъ людей на улицѣ вызываютъ, во мнѣ злобу, доходящую до ненависти.

15. Я Обломовъ. Я босякъ душевный. А можетъ быть я идіотъ или сумасшедшій. Мои мозги почему то не перевариваютъ и инстинктивно ненавидятъ гимназическія науки, а можетъ быть вообще науки. Читать я люблю. Мнѣ пріятно, когда въ моей головѣ является—слова Леонида Андреева—ясная, жгучая мысль. Мой мозгъ, какъ мнѣ кажется, находится въ интересномъ состояніи.

16. Преподавателямъ и прочимъ. Кто требуетъ къ себѣ уваженія, тотъ долженъ относиться съ уваженіемъ къ тому, отъ кого онъ требуетъ его.

18. Танцы—сладострастіе, доходящее до поэзіи. «Народы, перерождайтесь»!

Только что приведенныя замѣтки несмотря на всю ихъ отрывочность въ высшей степени характерны: въ нихъ можно ясно видѣть главнѣйшіе моменты, вызвавшіе самоубійство. Мальчикъ, родившійся отъ больного отца, который покончилъ жизнь самоубійствомъ, получилъ дурное наслѣдство и, конечно, помнилъ хорошо всѣ подробности разыгравшейся семь лѣтъ тому назадъ въ ихъ семьѣ драмы. Мысль о самоубійствѣ у него сквозитъ почти во всѣхъ замѣткахъ и, видимо, сроднилась съ нимъ уже давно, являясь, съ одной стороны, выраженіемъ психопатической конституціи, съ другой—вызванная близкимъ примѣромъ. Не прошло безслѣдно и перенесенное незадолго физическое заболѣваніе, которое заставило неуравновѣшеннаго юношу съ завистью и ненавистью смотрѣть на здоровыхъ. Далѣе, очевидное вліяніе здѣсь оказала и современная литература съ ея пессимистическимъ направленіемъ. Наконецъ, мы видимъ довольно ясный намекъ на неправильное отношеніе педагоговъ, которымъ юноша даетъ глубоко правдивый совѣтъ.

XXVI. А. Н. 17 л., ученица VI-го класса гимназіи, 22-го іюня 1909 г. покончила съ собой выстрѣломъ изъ револьвера въ рогу.

Покойная, дочь неизвѣстныхъ родителей, была усыновлена семьей сапожника Н. Н.—ы люди простые, но достаточные, не имѣли дѣтей и очень любили свою пріемную дочь; не отказывая ей ни въ чемъ, они не могли однако имѣть большого вліянія на ея духовный міръ. Дѣвочка болѣзненная, страдавшая какими то обмороками (истерическіе припадки?) была предоставлена самой себѣ; училась она въ общемъ удовлетворительно, но большую часть свободнаго времени посвящала чтенію бульварныхъ романовъ. Пользуясь большой свободой, она влюбилась въ ученика коммерческаго училища, который сначала ухаживалъ за ней, а потомъ измѣнилъ свои отношенія. Въ оставленной на имя этого ученика запискѣ она говоритъ:

«Прощай мой милый, Моничка, я больше съ тобой не увижусь никогда, я уѣзжаю далеко, но не въ Евпаторію, а еще дальше, на небо.

Я не могу больше переносить, страдать всю жизнь, это для меня мука, и я рѣшила покончить съ собой, вѣдь я тебя люблю крѣпко, но ты, я знаю, разлюбилъ меня. Прощай, прощай, моя радость, мое счастье. Твоя навѣкъ кошечка».

Этотъ случай самоубійства представляется довольно яснымъ: истеричная дѣвушка, за правильностью умственнаго развитія которой никто не слѣдилъ, подъ вліяніемъ бульварныхъ романовъ и окружающей среды быть можетъ преждевременно развившая свою чувственность, покончила счеты съ жизнью вслѣдствіе неудачной привязанности.

XXVII. Г. Р. 15 лѣтъ, ученикъ IV-го класса реального училища, 21-го іюня 1909-го г. съ цѣлью самоубійства выпилъ нашатырнаго спирта; поправился.

Г. во время купанья шалилъ въ водѣ, наговорилъ дерзостей преподавателю танцевъ и не хотѣлъ ему сказать своей фамиліи. Директоръ училища наложилъ на него взысканіе въ видѣ ареста на 15 часовъ и предупредилъ, что объ его поведеніи напишетъ отцу. Г. старался подкупить служителя, чтобы тотъ не исполнилъ распоряженія директора и не передавалъ письмо его родителямъ, а когда это не удалось, вышелъ на нѣсколько минутъ изъ училища и, возвратившись,

выпилъ нашатырный спиртъ. На послѣдовавшіе затѣмъ стоны и крики собрались всѣ бывшіе недалеко лица; приглашенъ былъ врачъ, который отправилъ его въ больницу. На другой день родные взяли его домой въ хорошемъ состояніи. Намѣстѣ происшествія Г. оставилъ записку слѣдующаго содержания:

«Не найдя нигдѣ справедливость, рѣшилъ свою невинность открыть своей смертью. Родители мои пусть считаются съ Ш.» (учитель танцевъ).

Начальство училища не сообщило характеристики психической личности Г.; нѣтъ также данныхъ, которыя обрисовывали бы его семейныя отношенія, поэтому и самый случай представляется не вполне яснымъ. По всей вѣроятности однако дѣло идетъ объ экспансивномъ, дурно воспитанномъ субъектѣ, который боялся наказанія со стороны отца и кромѣ того имѣлъ въ виду отомстить виновницею надвигавшейся бѣды.

XXVIII. I. Г. 20 лѣтъ, ученикъ VIII-го класса гимназіи, 18-го августа 1909 г. покончилъ жизнь самоубійствомъ, выстрѣливъ въ грудь изъ монтекристо.

Изъ собранныхъ свѣдѣній видно, что Г. юноша скромный, благовоспитанный, учился прилежно, но при среднихъ способностяхъ оказывалъ посредственные успѣхи; послѣдній годъ, представивъ свидѣтельство о болѣзни, совсѣмъ не посѣщалъ гимназію. Болѣзнь его видимо началась уже давно. Еще въ 1905 г. врачъ выдалъ свидѣтельство въ томъ, что Г. страдалъ „гипереміей мозговыхъ оболочекъ и общимъ нервнымъ расстройствомъ“. Въ медицинскомъ свидѣтельствѣ, выданномъ тѣмъ же врачомъ въ 1908 г. о гипереміи мозговыхъ оболочекъ уже не упоминается, но говорится о рѣзкой формѣ спинно-мозговой невралгій, при которой посѣщеніе школы представлялось крайне вреднымъ. Директоръ гимназіи указываетъ также на неблагопріятную семейную обстановку покойнаго. Отецъ его умеръ; мать относилась къ сыну хуже, чѣмъ къ остальнымъ дѣтямъ, такъ что Г. одно время хотѣлъ совсѣмъ отказаться отъ помощи матери и оставить ее; только по совѣту директора, общавшаго вызвать мать и поговорить съ ней, онъ отложилъ исполненіе своего плана.

При анализѣ даннаго случая прежде всего должно имѣть въ виду, что Г. страдалъ общимъ нервнымъ разстройствомъ—нейрастеніей. Это заболѣваніе у молодыхъ людей въ тяжелой своей формѣ развивается большей частью благодаря наслѣдственности и особенно рѣзко отражается на настроеніи, которое становится подавленнымъ; больной часто видитъ свое состояніе въ мрачномъ свѣтѣ; отсюда—отчаяніе и попытки къ самоубійству. Именно подобное состояніе, по всей вѣроятности, переживалъ Г.; оно то, въ связи съ неблагопріятно сложившейся домашней обстановкой, и привело его къ рѣшимости покончить съ собой.

XXIX. И. Г. 13 лѣтъ, ученикъ I-го класса городского училища, 20-го августа 1909 г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Г. сынъ бѣдныхъ родителей (отецъ занимался кузнечнымъ ремесломъ), субъектъ болѣзненный и очень нервный, учился въ общемъ удовлетворительно и только по ариметикѣ получилъ переэкзаменовку; по отзыву отца онъ былъ мальчикъ испорченный, распушенный; его неоднократно уличали въ воровствѣ и однажды полиція даже арестовала его. Отецъ относился къ сыну сурово, нерѣдко билъ. Переэкзаменовка, повидимому, сошла неудачно и мальчикъ застрѣлился, оставивъ слѣдующую записку:

«Не вините въ моей смерти никого, я умираю оттого, что не выдержалъ экзамена. Папа, мама, Пая и Зина простите меня. Вашъ сынъ».

Директоръ училища, передавая подробности событія, добавляетъ, что результатъ экзамена былъ еще неизвѣстенъ Г. и весьма вѣроятно, что педагогическій совѣтъ перевелъ бы его во второй классъ, на что и могъ онъ надѣяться; поэтому указанная въ запискѣ причина не основательна, тѣмъ болѣе, что Г. былъ мальчикъ болѣзненно нервный и отличался распушенностью. Последнія причины, собственно говоря, и привели его къ роковому концу.

Фактическая сторона въ данномъ случаѣ изложена слишкомъ коротко, да и собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія пред-

ставляется крайне затруднительнымъ: покойный принадлежалъ къ той средѣ, гдѣ на условія жизни и развитіе ребенка слишкомъ мало обращаютъ вниманія. Во всякомъ случаѣ однако съ мнѣніемъ директора согласиться невозможно. У насъ нѣтъ никакихъ основаній установить точную связь между распущенностью мальчика и его самоубійствомъ. Ближе къ дѣйствительнымъ фактамъ гипотеза иного рода: Г. сдалъ переэкзаменовку, по его мнѣнію, неудовлетворительно и, вслѣдствіе ли оскорбленнаго болѣзненнаго самолюбія или, что вѣрнѣе, боясь наказанія со стороны отца, не нашелъ для себя иного выхода, какъ самоубійство. Такимъ образомъ неудачный экзаменъ явился непосредственнымъ поводомъ несчастнаго случая.

XXX. Д. К. 18 лѣтъ, ученица VI-го класса гимназіи, 29-го августа 1909-го г. покушаясь на самоубійство, выпила смѣсь хлороформа, скипидара и спирта; вскорѣ совершенно поправилась.

Д. 22-го августа не выдержала переэкзаменовки по русскому языку, такъ какъ по собственному признанію не подготовилась къ ней въ теченіе лѣта, и была оставлена въ классѣ на второй годъ. Ея дядя, воспитывавшій Д. на свой счетъ, заявилъ, что не намѣренъ болѣе на нее тратиться и отправить ее къ родителямъ, очень бѣднымъ людямъ. Это обстоятельство и было поводомъ къ покушенію.

Внѣшняя зависимость покушенія отъ неудачнаго исхода экзамена здѣсь очевидна, тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ никакихъ данныхъ ближе уяснить себѣ истинный характеръ событія. У насъ нѣтъ свѣдѣній о психической личности дѣвушки; мы ничего не знаемъ объ отношеніи къ ней школы, почему она не готовилась къ экзаменамъ, если желала продолжать свое образованіе.

XXXI. М. К. 15 лѣтъ, ученикъ VI-го класса гимназіи, 4-го сент. 1909 г. окончилъ жизнь самоубійствомъ, повѣсившись на веревкѣ.

К. отличался вспыльчивымъ характеромъ, учился хорошо, поведенія былъ отличнаго. Въ день катастрофы онъ получилъ за что-то суровый выговоръ сначала отъ отца, потомъ отъ матери. Послѣдняя между прочимъ сказала сыну: „если не желаешь, то можешь уйти себѣ изъ дому“. Мальчикъ отвѣтилъ. „Въ такомъ случаѣ я уйду“ и ночью найденъ былъ мертвымъ.

Причины семейныхъ непріятностей не выяснены; неизвѣстно также ничего о семьѣ К. и объ отношеніяхъ родителей къ сыну. Непосредственнымъ поводомъ къ самоубійству была повидимому ссора съ родными.

XXXII. С. Ш. 17 л. ученица VII-го класса гимназіи, 3-го ноября 1909 г. отравилась карболовой кислотой и вскорѣ скончалась.

Покойная происходитъ изъ малокультурной еврейской семьи; ея отецъ, человѣкъ необразованный, имѣлъ привычку грубо обращаться съ дѣтьми. Дѣвочка, видимо, тяготилась домашней обстановкой, такъ какъ по развитію стояла выше своихъ родныхъ. Присмотра за ней дома никакого не было. Въ гимназію Ш. поступила въ 1903 г. во 2-ой классъ, но въ маѣ 1906 г. выбыла изъ четвертаго класса; снова поступила по экзамену въ шестой классъ уже въ 1908 г. Способностями она обладала средними, училась въ общемъ удовлетворительно, поведенія была отличнаго. По отзыву преподавателей Ш. отличалась крайне впечатлительнымъ, самолюбивымъ характеромъ, вслѣдствіе чего иногда позволяла себѣ рѣзкія, немотивированныя въ достаточной степени выходки, напр. отказывалась отвѣчать на вопросы, разрывала бумагу во время письменныхъ отвѣтовъ и т. п.

Въ послѣдній годъ настроеніе ея бывало часто подавленнымъ; она мало интересовалась окружающимъ, не сходилась съ подругами. Дома она любила заниматься чтеніемъ и между прочимъ прочла извѣстную книгу Вейнингера „Поль и характеръ“, оказавшую на нее глубокое вліяніе.

Таковы краткіе факты, которые имѣютъ важность для выясненія личности покойной.

Самое происшествіе представляется въ слѣдующимъ видѣ: 30 октября ученицамъ VII-го класса была дана письменная задача по физикѣ. Ш. получила за нее двойку, а преподаватель на самой работѣ сдѣлалъ надпись: „обнаружила полное незнаніе.“ Такъ какъ эта отмѣтка должна была отразиться на выводѣ въ четверти, то на слѣдующій день преподаватель вызвалъ Ш., желая провѣрить ея знанія. Дѣвочка въ рѣзкой формѣ отказалась отвѣчать, о чемъ преподаватель и увѣдомилъ начальницу гимназіи. При послѣдовавшемъ объясненіи съ Ш. начальница выяснила, что причиной отказа явилась надпись преподавателя, которая показалась обидной. Ш. заявила, что если преподаватель убѣдился въ полномъ незнаніи ея, то у него нѣтъ основанія и спрашивать еще разъ, такъ какъ въ одинъ день она конечно не могла подготовиться; поэтому она предполагаетъ, что преподаватель имѣлъ въ виду только унизить ее въ глазахъ всего класса. Напрасно начальница старалась убѣдить Ш., что она не права и должна извиниться предъ преподавателемъ за свой рѣзкій тонъ. Покойная отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ, сообщила, что не будетъ больше учиться въ гимназіи и немедленно потребовала свои бумаги, которыя, конечно, не были ей выданы. Дома Ш. передала своимъ о происшедшемъ и, видимо, успѣла склонить на свою сторону мать, которая, явилась въ гимназію, повторила слова дочери о намѣреніи преподавателя унизить ее передъ классомъ и просила немедленно выдать ей документы. Начальница предложила подать соотвѣтствующее прошеніе. Однако отецъ Ш. не соглашался съ ея доводами; онъ настаивалъ, чтобы дочь извинилась и оставалась въ гимназіи. Повидимому между членами семьи происходила борьба. Покойная заявила родителямъ, что скорѣе покончить съ собой, чѣмъ извинится, долго упорствовала на своемъ первоначальномъ рѣшеніи и еще наканунѣ самоубійства въ бесѣдѣ съ другой развивала планы, какъ она будетъ заниматься дома для подготовки къ экзаменамъ; мысли о самоубійствѣ она тогда не высказывала. На другой день намѣренія ея измѣнились. Ш. сказала отцу, что остается въ гимназіи и идетъ туда, чтобы извиниться. Въ гимназію она явилась передъ четвертымъ урокомъ, сообщила классной дамѣ, что рѣшила извиниться, была съ виду спокойна, просидѣла одинъ часъ; въ перемену передъ пятымъ урокомъ (преподавателя, передъ которымъ

должна была извиниться) вышла въ рекреационный залъ, быстро выпила карболовую кислоту изъ пузырька, который принесла изъ дома, вскрикнула: „я отравилась!“ и упала на полъ.

Одной изъ своихъ подругъ она оставила для передачи преподавателю физики письмо слѣдующаго содержанія:

«У меня требовали, чтобы я извинилась передъ Вами, но я не принадлежу къ тѣмъ, которыя извиняются. Вы меня знали, какъ лѣнтяйку Ш. Знайте же, что я была выращена принципами Гедды Габлеръ. Мой отецъ предлагалъ мнѣ извиниться и я «извиняюсь». Послѣ всего этого не совѣтую хвалиться знаніемъ психологіи ученицъ».

Для возможно полной характеристики событія необходимо добавить, что преподаватель физики, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ репутацію человѣка очень любящаго свое дѣло, симпатизирующаго учащимся, но очень вспыльчиваго и часто рѣзкаго въ своихъ выраженіяхъ.

Анализируя полученные свѣдѣнія, мы прежде всего видимъ что С. Ш. отличалась нервною, впечатлительностью, крайней обидчивостью, нерѣдко заставлявшей ее нарушать требованія школьной дисциплины. Въ гимназію она поступила въ тяжелое время развала средней школы, которая поэтому не могла оказать на нервнаго ребенка своего воспитательнаго вліянія. Вдобавокъ Ш. на нѣсколько лѣтъ покидала и гимназію, такъ что росла и развивалась почти исключительно въ своей семьѣ. Однако и семья не могла дѣйствовать на дѣвочку благотворно: родители по уровню образованія стояли ниже дочери и наблюдали развѣ только за ея физическимъ ростомъ и здоровьемъ. Чѣмъ занималась и интересовалась Ш. дома, подъ какими вліяніями складывалась ея духовная жизнь, мы не знаемъ; по отрывочнымъ фактамъ однако можно догадываться, что ей не были чужды отвлеченные интересы. Къ сожалѣнію тѣ книги, которыя попадались дѣвочкѣ, далеко не всѣ были назначены для чтенія дѣтей, да еще вдобавокъ обладавшихъ слишкомъ неустойчивой психо-нервной организаціей. Вейнингеръ въ книгѣ „Полъ и характеръ“ относится

очень отрицательно къ женщинамъ, обрисовывая ихъ, какъ существа низшаго порядка. Эта книга, написанная съ нѣкоторымъ талантомъ и по своей внѣшности производящая впечатлѣніе научнаго труда, оказываетъ на дѣвушекъ особенно удручающее вліяніе: извѣстны случаи самоубійства послѣ ея прочтенія. Неудивительно, если впечатлительная, мало образованная Ш., лишенная какой-либо внѣшней нравственной опоры, реагирована на идеи Вейнингера съ излишней страстностью. Пессимистическое направленіе современной литературы съ ея презрѣніемъ къ жизни, съ эффектными описаніями сценъ самоубійства также не осталось безъ рѣзкаго вліянія на дѣвушку; она усвоила себѣ принципы героини Ибсена и съ готовностью слѣдовала ея примѣру. Мы не знаемъ ничего опредѣленнаго о сердечной жизни Ш. (о чемъ въ обществѣ циркулировали весьма разнообразные слухи), а потому не будемъ говорить, какъ губительно могли бы отразиться связанные съ ней душевныя волненія. Уже достовѣрно установленныхъ фактовъ, приведенныхъ выше, совершенно достаточно, чтобы охарактеризовать ту почву, на которую упалъ инцидентъ 31 октября. Самолюбивая дѣвушка была взволнована категорической рецензіей преподавателя, а тутъ еще ее вызываютъ для отвѣта. Преподавателя физики, не смотря на все уваженіе къ нему, дѣти боялись въ виду его рѣзкихъ, подчасъ оскорбительныхъ (по словамъ его ученицъ) выраженій. Испугалась и Ш. и, предвидя возможность новыхъ уколовъ, теперь уже публичныхъ, ея самолюбію, категорически отказалась отъ отвѣта. Не успѣла ее разубѣдить начальница; не удалось это и отцу, которому она прямо заявила, что скорѣе умретъ, чѣмъ извинится. Что заставило дѣвушку окончательно остановиться на самоубійствѣ, настойчивыя ли требованія со стороны строгаго отца или соблазнительная перспектива выйти изъ создававшегося положенія, слѣдуя примѣру Габлеръ, или то и другое, вмѣстѣ мы не знаемъ. Но мысль о самоубійствѣ назрѣла; ее слѣдуетъ привести въ исполненіе эффектно, кра-

сиво, и вотъ несчастная, запасшись ядомъ, идетъ въ гимназію и падаетъ тамъ среди подругъ, окруженная многочисленными взволнованными свидѣтелями, умираетъ при общемъ сочувствіи, увѣренная, что это сочувствіе проявится еще болѣе шумно потомъ на ея похоронахъ, что еще долго она будетъ въ памяти знакомыхъ оставаться героиней, достойной пера самого Ибсена.

XXXIII. С. З. 16 лѣтъ, ученикъ V-го класса гимназіи, 6 ноября 1909 г. съ цѣлю самоубійства бросился изъ окна и получилъ тяжелые ушибы.

З. происходитъ изъ очень бѣдной еврейской семьи; его родная сестра годъ тому назадъ покончила жизнь самоубійствомъ. Такъ какъ родные не могли оказывать юношѣ матеріальной помощи, то онъ принужденъ былъ жить уроками; учился посредственно; отличался хорошимъ поведеніемъ. Въ день происшествія З. сообщилъ нѣкоторымъ изъ товарищей, что онъ тяготится жизнью и намѣренъ прибѣгнуть къ самоубійству. Одни приняли эти слова за шутку; другіе отнеслись къ нимъ серьезно, такъ какъ еще ранѣе З. жаловался имъ на тяжелое матеріальное положеніе и высказывалъ разочарованіе въ жизни. Никто однако не предполагалъ, что онъ такъ быстро приведетъ свое намѣреніе въ исполненіе: настолько онъ казался спокойнымъ и даже веселымъ. Во время перемѣны З. вдругъ вскочилъ на окно и крикнувъ: „прощайте, товарищи!“ бросился съ третьяго этажа внизъ. Въ одной изъ тетрадей его нашли записку слѣдующаго содержанія:

«Кругомъ все такъ обманчиво и лживо! Жизнь гадка! Не стоитъ жить! Глупо, гадко и низко все кругомъ. Если кто-нибудь скажетъ жить хорошо, я скажу: ты сумасшедшій.

Правда, въ смерти я самъ буду виноватъ, но что же дѣлать! Умру я тотъ, который всегда говоритъ, что глупо умирать.

Искреннее спасибо М., С., тебѣ В., которому я благодаренъ больше всѣхъ, отцу, матери, сестрамъ и братьямъ. Не старайтесь меня спасать».

Къ вышеизложенному необходимо добавить, что въ этой гимназіи З. пробылъ только около двухъ мѣсяцевъ, поступивъ по экзамену прямо въ пятый классъ. Ранѣе онъ учился въ другой частной школѣ, изъ которой, по желанію родителей, вышелъ годъ тому назадъ. По наблюденіямъ гимназическаго

врача З. страдалъ неправильной дѣятельностью сердца и общимъ малокровіемъ.

У насъ очень мало свѣдѣній, на основаніи которыхъ мы могли бы создать себѣ ясное представленіе о психической личности юноши, объ его характерѣ, способностяхъ, склонностяхъ. Мы не знаемъ даже, какой велъ онъ образъ жизни, чѣмъ интересовался, въ какой средѣ жилъ. Повидимому онъ происходилъ изъ невропатической семьи, гдѣ уже былъ случай самоубійства. Происшедшая незадолго катастрофа съ сестрой, конечно, не прошла безслѣдно для впечатлительнаго З; неудачныя попытки поступить въ ту же гимназію, гдѣ онъ учился ранѣе, связанныя съ упорными занятіями, также должны были оказать свое вліяніе, матеріальная нужда и связанныя съ нею лишенія ослабляли, далѣе, и безъ того хрупкій организмъ, а неправильная дѣятельность сердца, какъ извѣстно, часто отражающаяся на самочувствіи, должна была рѣзко нарушать настроенія, вызывая чувство тоски, подавленности. Въ предсмертной запискѣ ни слова не упоминается о бѣдности; мы находимъ здѣсь только общія фразы, свидѣтельствующія о полной разочарованности. Крайне сомнительно, чтобы юноша, почти не начинавшій еще жить, самостоятельно могъ дойти до такого состоянія. Невольно напрашивается мысль, нѣтъ ли и въ данномъ случаѣ вліянія современной литературы, вліянія, которое упало на глубоко распатанную почву.

XXXIV. Ф. Р. 18 лѣтъ, ученица VI-го класса гимназіи, 26 ноября 1909 г. окончила жизнь самоубійствомъ, отравившись денатурированнымъ спиртомъ.

Покойная происходитъ изъ ортодоксальной еврейской семьи; мать упорно не желала дать дочери образованіе, предпочитая, чтобы она скорѣе выходила замужъ и Ф. только послѣ упорной борьбы получила ея согласіе на поступленіе въ гимназію. Сначала она держала экзаменъ въ VII классъ,

но оказалась слабо подготовленной по русскому языку; через нѣсколько мѣсяцевъ повторила экзаменъ уже въ VI классъ, куда и была принята. Училась она хорошо, никакихъ непріятностей въ школѣ не имѣла, но отношенія съ матерью ухудшились еще болѣе. Женщина зажиточная, мать не платила за ученіе, не давала дочери денегъ на покупку учебниковъ и форменнаго платья; всѣ эти расходы Ф. должна была производить изъ собственныхъ сбереженій. Въ послѣднее время мать неоднократно даже била ее; наканунѣ самоубійства имѣла мѣсто очень тяжелая сцена между матерью и дочерью, въ заключеніе которой послѣдняя получила пощечину.

Причины катастрофы ясны. Дѣвушка въ теченіе долгаго времени упорно боролась за право учиться, вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была усиленно заниматься и по всей вѣроятности укрдкой отъ матери, т. е. совершенно самостоятельно. Неудачный въ первый разъ экзаменъ, конечно, также оказалъ свое вліяніе. Но покойная не упала духомъ и наконецъ добилась своего. Однако силы ея были уже надломлены, а тутъ еще постоянныя ссоры съ матерью, не останавливавшей-ся ни передъ чѣмъ, чтобы заставить дочь отказаться отъ избраннаго ею пути. Пощечина явилась послѣдней каплей, переполнившей чашу.

XXXV. Ф. С. 13 лѣтъ, ученикъ II-го класса реального училища, 26 ноября 1909 г. съ цѣлью самоубійства выпилъ нашатырнаго спирта; поправился.

С. происходитъ изъ крестьянской семьи, учился плохо, дурно велъ себя. 23 ноября онъ принесъ въ классъ картину порнографическаго содержанія и началъ показывать ее товарищамъ. Классный наставникъ, замѣтивъ это, сообщилъ инспектору, который вызвалъ родителей и предупредилъ ихъ, что если мальчикъ не исправится, то о происшедшемъ будетъ доведено до свѣдѣнія педагогическаго совѣта. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого С., не ночевавшій двѣ ночи дома, былъ доставленъ съ признаками отравленія въ городскую больницу, гдѣ вскорѣ и поправился. Отецъ, сообщившій эти факты ди-

ректору училища, добавилъ, что „хорошіе дѣти умираютъ, а этого мучителя и смерть не беретъ“, что Ф. составляетъ тяжелое бремя для семьи и всѣ мѣры воздѣйствія на него оказываются напрасными.

Изъ вышеизложеннаго видно, что С., за развитіемъ котораго не было въ семьѣ достаточнаго надзора, покушался на самоубійство по всему вѣроятію изъ страха „воздѣйствія“ со стороны домашнихъ.

XXXVI. Л. Б. 11 лѣтъ, ученица II-го класса гимназій, 7 декабря 1909 г. съ цѣлью лишить себя жизни отравилась морфіемъ. Скончалась.

Дѣвочка жила въ очень тяжелой семейной обстановкѣ: ее отецъ разошелся съ матерью, предавался пьянству и злоупотреблялъ морфіемъ; съ дочерью онъ обращался крайне сурово, неоднократно билъ плеткой за плохія отмѣтки, позволялъ себѣ въ ея присутствіи грубо отзываться о матери, во всемъ стѣснялъ ея свободу, запрещая безъ позволенія выходить даже на дворъ. Л. иногда жаловалась подругамъ на свою жизнь. Годъ тому назадъ она сдѣлала попытку отравиться морфіемъ, взятымъ у отца, но была остановлена братомъ. Въ школѣ дѣвочка вела себя хорошо, не обнаруживала никакихъ ненормальностей, училась удовлетворительно, даже получала награды; во второмъ классѣ въ первой четверти она имѣла однако нѣсколько двоекъ, такъ какъ по отзыву директора гимназій стала менѣе прилежной. Изъ боязни показать дурныя отмѣтки отцу Л. передѣлала ихъ на удовлетворительныя и въ такомъ видѣ представила свою четверть для подписи; возвратить ее въ гимназію она потомъ не рѣшилась, такъ какъ обманъ конечно сейчасъ бы раскрылся, вслѣдствіе чего удержала ее у себя. Но наступило время, когда четверть непременно должно было представить. У дѣвочки снова явилась мысль покончить съ собой; она высказала ее подругамъ, которыя не придали словамъ Л. должнаго значенія, достала опять морфія и, отравившись, упорно скрывала причину своей болѣзни отъ домашнихъ, почему и медицинская помощь ей была доставлена слишкомъ поздно.

Послѣ нея нашли письмо слѣдующаго содержанія:

«Дорогой папа, надоѣло жить бороться. Цѣлую всѣхъ маму, бабушку, тетю, Женю, дядю Петю, тебя папа, тетю Марусю, Д. поклонъ, Лелечку цѣлую 1000 и Колю тоже цѣл.»

Изъ всего сообщеннаго выше ясно, что основной причиной самоубійства была неудовлетворительная семейная обстановка, которая не могла не тяготить дѣвочку и еще ранѣе наводила ее на мысль о необходимости смерти. Боязнь строгаго отца заставила ее пойти на обманъ, а такъ какъ послѣдній долженъ былъ неминуемо раскрыться, Л. не нашла другого исхода, какъ наложить на себя руки.

XXXVII. К. П. ученица VI класса гимназіи, 12 декабря 1909 г. отравилась нашатырнымъ спиртомъ; найденная въ безсознательномъ состояніи, послѣ оказаннаго ей медицинскаго пособія, оправилась.

П. жила въ крайне тяжелыхъ матеріальныхъ и нравственныхъ условіяхъ; ея мать, женщина очень грубая, необразованная, рѣзко упрекала дочь за плохіе успѣхи, а между тѣмъ дѣвушка, обладая слабыми способностями, не могла учиться хорошо; въ первой четверти она имѣла двойки по тремъ предметамъ, а во второй—по пяти. Въ день покушенія П. присутствовала на первыхъ двухъ урокахъ; послѣ второго, жалуюсь на головную боль, она отпросилась домой, гдѣ, впрочемъ, оставалась недолго; заявивъ матери, что возвращается въ гимназію, она ушла и только вечеромъ была найдена въ безсознательномъ состояніи на городскомъ бульварѣ.

Причиной покушенія въ данномъ случаѣ, по всей вѣроятности, были школьныя неудачи и желаніе избѣгнуть непріятныхъ объясненій съ матерью по этому поводу.

XXXVIII. С. Ф. ученикъ I класса техническаго училища, 16 декабря 1909 г. лишилъ себя жизни, повѣсившись на веревкѣ.

Покойному жилось въ семьѣ очень тяжело. Отецъ его нисколько не заботился о дѣтяхъ, а въ послѣднее время куда то совсѣмъ уѣхалъ. Мальчика содержалъ на свои средства старшій братъ, такъ жестоко наказывавшій его за различныя провинности, что за несчастнаго заступались даже постороннія лица. По общимъ отзывамъ преподавателей Ф. былъ мало развитъ, забитъ, необщителенъ, отдалялся отъ товарищей, часто ссорился съ ними; способностей онъ былъ среднихъ, но не проявлялъ ни малѣйшаго интереса къ занятіямъ, добавокъ отличался разсѣянностью, невнимательностью; замѣчанія и выговоры не оказывали на него видимаго вліянія. Въ первой четверти онъ имѣлъ только одну двойку, но въ теченіе второй сильно опустился и, получая въ дневникѣ неудовлетворительныя отмѣтки, исправлялъ ихъ послѣ подписи класснаго наставника, чтобы скрыть отъ брата истинное положеніе дѣлъ. Въ декабрѣ, заболѣвъ чесоткой, Ф. посѣщалъ училище очень неправильно; по выздоровленіи тоже старался уклоняться отъ уроковъ, предпочитая вмѣсто того кататься на конькахъ, такъ что 16 декабря квартирной хозяйкѣ пришлось отобрать коньки и чуть ли не силой послать его въ училище. Однако мальчикъ туда не пошелъ, а, зайдя въ сарай, повѣсился на шнурѣ.

Свѣдѣнія о личности покойнаго очень скудны. Повидимому, это былъ мальчикъ невропатическаго темперамента; суровое воспитаніе только усилило болѣзненные свойства, сдѣлало его скрытнымъ, озлобленнымъ. Причины неуспѣшности въ занятіяхъ мало выяснены; быть можетъ она зависѣла отъ недостаточнаго умственнаго развитія, на которое указываютъ преподаватели. Непосредственнымъ поводомъ къ самоубійству явился повидимому страхъ наказанія со стороны старшаго брата.

XXXIX. Б. Л., ученица IV класса гимназіи, 17 декабря 1909 г., покушаясь на самоубійство, выпила уксусной эссенціи; выздоровѣла.

Л. происходитъ изъ малокультурной еврейской семьи, отличается характеромъ рѣзкимъ, грубымъ, несдержаннымъ;

по отзыву врача—истеричка. Нѣсколько разъ она была замѣчена въ нарушеніи школьной дисциплины (грубое обращеніе съ преподавательскимъ персоналомъ, самовольный уходъ съ уроковъ и т. п.), вслѣдствіе чего педагогическій совѣтъ уменьшилъ ей отмѣтку за поведеніе, а родители были предупреждены, что дальнѣйшія выходки въ томъ же родѣ сдѣлаютъ невозможнымъ самое пребываніе ихъ дочери въ гимназіи.

За недѣлю до происшествія Л. во время урока танцевъ осталась въ классѣ съ одной подругой, у которой въ то время былъ очень боленъ отецъ. Классная надзирательница, увидя ихъ, потребовала, чтобы онѣ шли танцевать. Л. подняла крикъ, начала упрекать надзирательницу въ бездушіи, такъ какъ она заставляетъ веселиться ученицу, у которой отецъ при смерти, оскорбляла ее рѣзкими упреками и долго не могла успокоиться. Съ тѣхъ поръ обѣ подружки начали держать себя по отношенію къ классной надзирательницѣ очень грубо, вызываясь, не кланялись ей, не отвѣчали на ея вопросы. 17-го декабря Л. во время уроковъ обратилась къ начальницѣ гимназіи съ жалобой на головную боль и съ просьбой отпустить ее домой, причемъ сообщила, что и классная надзирательница ее отпустила. Получивъ разрѣшеніе уйти, она демонстративно прошла, не кланяясь, мимо надзирательницы, а на вопросъ послѣдней дерзко отвѣчала, что освобождена отъ уроковъ самой начальницей. Надзирательница немедленно довела объ этомъ до свѣдѣнія начальницы, которая остановила Л. и потребовала объясненій. Л. заявила, что не можетъ говорить съ классной дамой, которая ей не кланяется. Начальница указала дѣвочкѣ на некорректность ея поведенія и, отвлеченная другими дѣлами, удалилась. Тогда Л. обрушилась на надзирательницу градомъ такихъ грубостей и дерзостей, что та упала въ обморокъ. На помощь къ ней выбѣжали ученицы, снова явилась начальница. Л. сильно взволнованная всѣмъ происшедшимъ съ истерическими рыданіями кинулась къ начальницѣ, обняла ее колѣни и стала что-то говорить. Желая положить конецъ тяжелой сценѣ, начальница предложила ей идти домой и объяснить свое поведеніе уже на другой день. Л., возвратившись домой, отравилась и была отправлена въ больницу, откуда уже на третій день выписалась поправившейся.

Изъ всего изложеннаго выше видно, что Л. повидимому дѣйствительно истерическаго темперамента; какъ у субъекта

неуравновѣшеннаго, рѣзкіе переходы отъ одной крайности къ другой у нея вполне возможны. Желая отстоять интересы подруги, защитить ее, она сразу измѣняетъ свою роль и обрушивается на классную надзирательницу уже въ качествѣ обвинительницы. Считая себя несправедливо притѣсняемой, а ее своимъ врагомъ, она начинаетъ вести себя крайне дерзко, доводитъ ее до истерическаго припадка, но видя такой эффектъ быстро переходитъ въ противоположное настроеніе, обнимаетъ колѣни начальницы, кричитъ; истерическій припадокъ классной дамы вызываетъ таковой же у Л. Къ сожалѣнію ей не дали времени прійти въ себя, не успокоили ее и, вернувшись домой въ томъ же настроеніи, она дѣлаетъ попытку сама наказать себя, лишивъ жизни.

(Окончаніе слѣдуетъ).

